

ИРИНА МИХАЙЛОВА

Я СЛЫШУ!

РАССКАЗ

Ира помнит свой первый звук так, как многие помнят своё первое слово. Они шли с мамой через железнодорожные пути — переходили по опасному переходу на другую сторону. Мама шла чуть впереди, а маленькая Ира сразу за ней. Вдруг Ира услышала шум. Поезд! Мама шла, не замечая его. А он был уже совсем рядом. Тогда Ира закричала. Так пронзительно она закричала первый раз в своей жизни:

— Мама!

Мама обернулась. Она не слышала, но обернулась. Вибрация или чутьё. Она обернулась. И остановилась.

Поезд с грохотом пронёсся мимо, а Ира стояла, смотрела ему вслед и не могла пошевелиться от вдруг нахлынувших на неё чувств и звуков.

Мама может выговорить её имя — “Ира”. Получается непохоже — “Ырра”.

На языке жестов — зажата ладонь с двумя прямыми пальцами (мизинцем и безымянным), зажата ладонь с тремя пальцами (мизинцем, безымянным и указательным) и зажаты полностью пальцы. Всего три движения рукой. Родители назвали её так, потому что знали, что их дочери придётся с ранних лет выучить эти три движения, ведь дети любят называть своё имя...

Но Ира родилась слышащей.

МИХАЙЛОВА Ирина Евгеньевна родилась в 1986 году в Люберцах. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковалась в журналах и альманахах “Пролог”, “Кольцо А”, “Зелёный бульвар”, “Сибирские огни”, “Пятью пять”. Входила в лонг-лист премии “Дебют” (2008), в лонг-лист премии “Лицей” (2018). Лауреат международной литературной премии “Радуга” в номинации “Молодой автор года” (2018). Член Союза писателей Москвы. Работает учителем русского языка и литературы. Живёт в Москве.

Она знает, как сложно выучить язык жестов. Как трудно составлять слова — с непривычки болят пальцы, словно от игры на гитаре. Как тяжело понимать и различать эти жесты у другого человека. Но она старалась, ведь родителям произносить одно-единственное слово гораздо сложнее, но они произносят.

— Интернат до семи, — беззвучно говорит мама и показывает семь пальцев.

Ира кивает. В специальном интернате учится и живёт её младшая сестра Арина. Она в третьем классе. Ира забирает её каждое воскресенье днём, гуляет с ней, а вечером отводит назад. Арине не повезло — она родилась, как и предсказывали, глухонемой.

Ира как-то спросила маму:

— Что значит ничего не слышать?

Мама закрыла уши руками и опустила голову низко-низко. Ира попыталась сделать так же, но у неё закружилась голова. Потом, в ванной, она опустила голову в воду. И все звуки вокруг тут же стали глухо отдаваться где-то внутри. Нет, не правда, что глухие ничего не слышат. Они постоянно слышат. Это страшнее. Тишина — это покой. А они слышат непрекращающийся даже во сне гул.

А вдруг она тоже станет глухой? Ира никогда не спрашивала об этом. Только думала. Каждый день, каждый раз, когда приходила к врачу.

Каждый год её осматривают. Каждый год они с мамой едут в больницу, не в поликлинику, а в самую настоящую больницу, где Иру долго смотрит серьёзный врач. Он сначала заглядывает в уши специальным прибором, потом просит Иру отойти на несколько шагов и шёпотом произносит цифры. Ира должна повторить то, что она услышит.

— Тридцать пять, — говорит врач.

— Тридцать пять, — повторяет Ира.

— Сорок четыре, — шёпот становится тише.

— Сорок четыре.

— Шестьдесят три, — едва слышно.

— Шестьдесят три, — безошибочно слышит Ира.

Потом врач подносит к уху Иры прибор, который он называет камертон, стучит по нему пальцами и прикладывает к Ириной шее.

— Слышишь вибрацию?

Первый раз Ира очень испугалась. Чувствовать вибрацию — это хорошо или плохо? И осторожно, точно пробуя воду ногой, прошептала:

— Нет.

— Ты уверена? — спросил врач.

Он приложил камертон ещё раз. Где-то в глубине Ира почувствовала лёгкий отзвук, точно только что пролетел комарик. Тогда она сказала громко и уверенно.

— Слышу.

В пятнадцать лет Ира впервые, уже без мамы, пришла к врачу.

— Тебе нужно следить за собой, — говорил он. — Избегай травм и громких звуков. Не простужайся. Поняла?

Он говорил с ней, как с маленькой, наклонившись к самому уху, и тогда Ира сказала:

— Я поняла. Я вас слышу.

— Ты слышишь, но не слушаешь, — сказал врач, — тебе очень повезло, и ты должна всегда помнить об этом.

— А я могу стать... — Ира не хотела произносить это вслух.

Врач промолчал.

Ира хорошо помнила, как однажды мама, когда кто-то в толпе задел маленькую Иру локтём и попал по голове, долго плакала и гладила её уши. Она трогала их так, как будто видела первый раз. Ира говорила ей ещё неуверенным детским голосом:

— Mam, всё хорошо, мне совсем не больно.

Арина родилась, когда Ире было шесть лет. А когда Ира перешла в третий класс, сестру отдали в интернат.

Ире сразу не понравилась эта школа. Когда они приехали оформлять Арину, директриса долго молча переговаривалась с мамой, а когда они всё решили, уже вслух сказала секретарше:

— И ведь двоих родила. Зачем? Вся семья глухая. Муж тоже.

Тогда Ира обернулась и сказала:

— Не вся.

В коридорах интерната очень тихо. Около каждой двери в класс вверху лампа, как при врачебном кабинете, и вместе со звонком на урок она загорается.

А на уроках наоборот — шумно, хотя в классе всего шесть человек. Учительница всё время говорит, говорит, говорит. Одни и те же слова — и дети, кто может, повторяет за ней.

Ира как-то подсмотрела урок — над дверями кабинетов прозрачные окошки.

Дети сидели на стульчиках, но не за партами, а друг за другом, изображая вагончики поезда. Держали в руках игрушки, у каждого своя — волк, заяц, лиса... Арине досталась маленькая кукла. У доски стояли карточки с названиями игрушек.

Учительница неестественно громко и чётко выговаривала — “волк”. И тот, у кого в руках волк, должен был подойти к табличке с соответствующей надписью и положить свою игрушку рядом.

Затем другое животное — “заяц” — и хозяин зайца выходил к своей табличке.

Так продолжалось очень долго, потому что никто не мог понять с первого раза. И приходилось много раз твердить одно и то же слово по слогам, громко — “лиса”, “ли-са”, “ЛИСА!”

В Ириной школе у учителей не было столько терпения. Они злились, ругались, если кто-то начинал разговаривать на уроке. Писали замечания. У Иры весь дневник был исписан: “Разговоры на уроке”, “Болтает на контрольной работе”, “Постоянно говорит в классе”. А здесь, если бы кто-то вдруг заговорил, пусть даже на контрольной, учителя были бы только рады.

Ира с ужасом ждала, когда учительница скажет: “Кукла”. Но Арина быстро вскочила, положила свою куклу, пригладила ей зачем-то волосы и убежала обратно.

— За сестрой? — спрашивает охранник.

Иру здесь уже все знают. Ещё бы — единственный слышащий ребёнок в семье глухонемых!

— Они в музыкальном. Танцы у них.

Музыкальный класс в самом конце коридора. Он чуть больше обычного кабинета — и там, как в балетной школе, висит зеркало во всю стену.

— Раз, два, — говорит учительница.

Дети поднимают руки и опускают, потом кладут их на пояс и делают наклоны.

Ира стоит в дверях и смотрит.

— Позвать? — опять спрашивает охранник.

Ира вертит головой:

— Пусть потанцует.

Арина любит танцевать. Она кружится в тишине под неслышную никому, кроме неё, музыку. Когда Ира увидела это первый раз — испугалась. В абсолютной тишине Арине кружилась в танце.

В классе заиграла современная весёлая песня — и все стали танцевать, точно слышали её так же, как и сама Ира.

Арина кружилась, кружилась. Заметила сестру.

— Гулять пойдём или ещё потанцуешь? — спрашивает Ира жестами.

— Пойдём.

Сёстры садятся на лавочку в парке, Ира достаёт шоколад, который Арина не может, но который она очень любит.

— У меня самый лучший рисунок, — хвалится Арина.

— Хочешь стать художником?

Арина мотает головой.

— А кем? Танцовщицей?

Краснеет.

— Может, балериной?

Арина слегка толкает Иру в плечо. Надулась. Обиделась.

— Ну ладно, не обижайся. Пойдём на качели.

Арина бежит первая, забирается на качели, а Ира её раскачивает высоко-высоко.

Арина смеётся. Громко, в голос, на весь парк.

Ира раскачивает и раскачивает — качели летят всё выше и выше. Голос Арины всё громче и громче.

Иногда так хочется поговорить с мамой. Не этими однообразными жестами, а просто сказать:

— Мам, я не знаю, куда мне идти дальше учиться. На выпускной платье надо надевать, а я не хочу. Учителя цепляются. Почему ты родила меня? Ведь ты же знала... Знала... А Арина? Как она будет жить? А если я умру — как вы все будете без меня?

Но Ира ничего этого не говорит. Она просто слушает. Сейчас — как смеётся сестра. А вечером, дома, как тихо-тихо откроется входная дверь, как неслышно поставят зонтик, как коротко и звонко будут брякать ключи.

Мама всегда заходит к Ире на ночь. Она садится к ней на кровать, обнимает её. Долго-долго беззвучно говорит. Ира её слушает. И слышит.

А мама слышит её.